

ЭЛЕН
СЛАВИНА

ВТОРАЯ МАМА
ДЛЯ ДОЧЕРИ
ДРАКОНА

18+

Элен Славина

Вторая мама для дочери дракона

«Автор»

2026

Славина Э.

Вторая мама для дочери дракона / Э. Славина — «Автор», 2026

– Вы – герцог. Сын короля. Однажды вы сядете на трон Бальвирии. А королю королю необходима королева.– НЕТ! – рёв вырвался из моей груди сам собой.

– Никогда! Ты слышишь?! Я никогда не женюсь! Моей любимой женщины не стало. Я успел спасти дочь от неминуемой смерти и теперь воспитываю её сам. Это нелегко. Гувернантки не выдерживают общения с моим маленьким драконёнком. Личный секретарь придумал выход: найти для меня... Жену? Я на это не пойду! Никогда! Или все же...

© Славина Э., 2026

© Автор, 2026

Элен Славина

Вторая мама для дочери дракона

Глава 1

Шесть лет спустя

Драконий Утес. Герцог Ардэн Валерон

– Я сожгу любого, кто только посмеет обидеть мою дочь, – рычу я, и мой голос, низкий и вибрирующий от сдерживаемой ярости, раскатывается под каменными сводами, срывая со стен эхо. Мой дракон, моя вторая сущность, всегда дремавшая под кожей, зашевелилась, почуяв гнев. – Я превращу его в горстку пепла и развею над Проклятыми Равнинами. Понятно?

Высокие стрельчатые окна с витражами отбрасывают солнечные лучи на отполированный до зеркального блеска пол и заставляют шуриться.

Я стою перед ними, и моя тень, длинная и искажённая, падает на выстроившуюся в безупречную шеренгу свиту.

Они стоят, затаив дыхание. Глаза, полные страха, устремлены в пол. Интересно, как долго человек может не дышать? Минуту? Две? Десять? Я бы с удовольствием понаблюдал, если бы один из них рухнул замертво. Его место занял бы другой. В этом была безжалостная арифметика власти.

– Папочка,пусти их, – тоненький, но на удивление твёрдый голосок раздался рядом. Маленькая рука вцепилась в складки моего бархатного камзола и дёрнула. Я опустил взгляд.

Моя изумрудка. Моё буйное, неукротимое солнце. Таисия. Ей шесть лет.

Шесть лет, которые стёрли из моей памяти образ умирающей Мауры, но подарили эту маленькую бурю в платье из зелёного шёлка.

Её рыжие кудри, яростные и непослушные, как пламя, выбивались из-под дорогих заколок.

А глаза... Большие, ярко-зелёные, точно майская листва. Глаза её матери. В них, как в спокойном лесном озере, отражалось всё моё бешенство, растворяя его без остатка.

Внутри меня дракон успокоился, свернулся клубком и затих, превратившись в послушную ящерку.

– Не виноваты? – я нахмурился, делая вид, что всё ещё гневаюсь. – Как это понимать, Таисия? Ты сама только что прибежала с криками, что...

– Это всё Логан! – фыркнула она, с вызывающим видом складывая ручки на груди. Её алые губки надулись обиженным бантиком. – Он не захотел показывать мне свою драконью сущность. Испугался! Поэтому я... я накричала на него. Немножко.

Я приподнял бровь.

– Насколько я помню, Логану всего семь. Его дракон, если он есть, проснётся не раньше, чем через пять лет. Нельзя торопить природу, изумрудка. Иначе можно навсегда отпугнуть свою вторую сущность. Я говорил это и себе тоже, вспоминая годы жёсткого обучения и боли, через которые прошёл я сам.

– Логан – слабак, и дракона у него никакого не будет! Вот! – она топнула ножкой в лаковой туфельке. Вся свита синхронно вздрогнула, словно от удара. Этот маленький жест неповиновения был для них страшнее любого моего рёва.

– Не говори так, – мягче произнёс я, опускаясь на одно колено, – Логан – твой двоюродный брат. В его жилах, как и в твоих, течёт кровь Валеронов. Я поймал её упрямый взгляд. – И однажды...

– Он не полетит, – с убийственной детской серьёзностью закончила она. – Способностей маловато. Я чувствую.

Я едва сдержал улыбку.

Её интуиция, этот дикий, неотшлифованный дар, уже начинал проявляться.

– Этого не знает никто, кроме древних духов гор, – продолжил я, поднимаясь. Кость в колене хрустнула – напоминание о старых травмах. – Кстати, где мадам Крокс? Твоя гувернантка.

Личико Таисии озарила хитрая, довольная улыбка.

– Эта мымра боится лягушек. А они такие скользкие, интересные! Я хотела посмотреть, что у них внутри, а она сказала, что это жестоко и отказалась их резать.

Предчувствие шевельнулось у меня в груди. Я медленно повернулся к ней всем телом и снова присел на корточки. Осторожно, убрал выбившиеся кудри и приподнял её подбородок, заглядывая в эти бездонные зелёные глаза.

Глаза, в которые я так и не смог заглянуть, чтобы попрощаться.

– И что же ты сделала, моя драконья принцесса?

– Ничего особенного, – она пожала плечиками с преувеличенным безразличием, но её глазки блестели озорно. – Всего лишь... подлила ей в утренний чай твоих чёрных чернил. Из той страшной склянки, что на твоём столе.

Она сморщила носик и высунула язык, изображая отвращение.

– Фуууу! Её зубы и весь язык стали чёрными-чёрными, как ночь в пещере! И она так закричала...

– Таисия Валерон, – мой голос снова приобрёл стальные нотки. Я держал её за плечи, глядя прямо в лицо. – Это переходит все мыслимые границы. Я предупреждал. За каждую изгнанную гувернантку – неделя без полётов на Спарке.

(Её личный дракончик, размером с крупную собаку, был её величайшей радостью.)

– Нет! – её лицо исказилось от ярости и ужаса. – Нет, нет, нет! Ты не посмеешь!

– Вот увидишь, так и будет, – закончил я и кивнул.

Она взмахнула руками, зарычала как драконица и рыжая грива волос разлетелась по спине. Развернувшись, Таисия помчалась прочь из зала, как ураган, сметающий всё на своём пути.

Её быстрые шаги эхом отдавались в каменных коридорах.

Мы остались в звенящей тишине.

Я, герцог, правитель Драконьего Утёса, побеждённый шестилетним ребёнком. И два десятка взрослых мужчин, не знающих, куда деть глаза. Усталость, тяжёлая и липкая, накатила на меня внезапно. Я медленно поднялся, почувствовав, как знакомая, коварная головная боль начинает свою атаку у висков, сжимая череп тисками.

– Расходитесь, – брезгливо махнул я рукой, не глядя на них. – И пусть меня найдёт Хьюго. Сейчас же!

Глава 2

Через десять минут.

Малый кабинет.

Здесь пахло старыми книгами, воском и холодным камином.

Я стоял у огромного окна, впиваясь взглядом в зелёный ковёр луга за стенами замка. Там, беззаботно смеясь, носилась моя дочь, а за ней, неуклюже подпрыгивая, бежал её маленький дракончик Спарк, выпуская клубы безвредного дыма.

На миг боль отступила, и я позволил себе слабую, почти невидимую улыбку.

– Ваше сиятельство, вы хотели меня видеть?

Голос за спиной был безупречно ровным, без тени подобострастия. Хьюго Грейвз.

Он заменил того, прежнего, чьё имя в этих стенах больше не произносили.

Шесть лет безупречной, выверенной до механичности службы. Ни одной ошибки. Ни одного лишнего слова. Иногда мне казалось, что он не человек, а ещё одна отлаженная шестерёнка в механизме моего правления.

– Я слышал, у моей дочери снова нет гувернантки? – не оборачиваясь, спросил я, потирая пальцами виски, где пульсировала боль.

– Мадам Крокс покинула Драконий Утёс на рассвете, ваше сиятельство. Она... настоятельно попросила расчёт.

За моей спиной послышался мягкий шелест страниц. Хьюго достал свой вездесущий кожаный блокнот.

– Пять дней. Рекорд за последний месяц. По её словам, она предпочтёт служить гарпиям в их гнездовьях, чем останется еще на один день с юной леди Валерон.

– Чего им всем не хватает? – я всё же обернулся, и раздражение снова закипело во мне, подливая масла в огонь мигрени. – Я плачу им втрое больше, чем любой другой прислуге в королевстве! Им предоставлены все блага, почести...

– Дело не в деньгах, ваше сиятельство, – вежливо, но твёрдо прервал меня Хьюго. Его взгляд был непроницаем. – Ваша дочь – стихийное бедствие в платице. Она испытывает пределы человеческого терпения, как осел – крепость ворот. Десять гувернанток за два месяца. Мы исчерпали весь резерв подходящих дам в ближайших поместьях. О вас... начинают ходить слухи.

– Что же ты предлагаешь? Нанять циркачку? Или, может быть, драконицу? – я с сарказмом бросил фразу, подходя к покрытому пылью роялю. Инструмент молчал годами, с тех пор как ее не стало. Я провёл пальцем по крышке, оставив на пыли чистую полосу.

– Я предлагаю провести отбор, – голос Хьюго прозвучал с непривычной живостью. – Не просто нанять, а отобрать. Королевский отбор на роль гувернантки и наставницы для единственной дочери герцога Ардэна Валерона, наследницы драконьей крови.

Я фыркнул.

– И что это изменит? Если в округе не осталось ни одной девицы, готовой к такому подвигу?

– О, ваше сиятельство, вы недооцениваете амбиции, – в голосе помощника зазвучали странные, скользкие нотки. Он сделал несколько шагов, заняв позицию между мной и окном.

– Мы должны предложить им не просто место. Мы должны предложить... мечту.

– Какую ещё мечту? – я нахмурился, не понимая его.

– Вы – герцог. Сын короля. Однажды вы сядете на трон Бальвирии. А королю... королю необходима королева.

Хьюго произнёс это почти шёпотом, но слова ударили, как хлыст.

– НЕТ! – рёв вырвался из моей груди сам собой и секретарь пошатнулся. Пламя ярости, внезапное и всепоглощающее, вспыхнуло во мне. Комната на мгновение поплыла перед глазами в багровом тумане. – Никогда! Ты слышишь?! Я никогда не женюсь!

Хьюго отпрянул, впервые за шесть лет на его лице мелькнул неподдельный испуг. Но он не отступил.

– Но вашей дочери нужна мать, сиятельство! – выпалил он. – Она растёт дикаркой! Её нужно воспитывать, обтесывать, готовить к будущему!

– У неё БЫЛА мать! – мои кулаки сжались так, что кости затрещали. Голос сорвался, став хриплым и опасным. – Её мать звали Маура! И по воле моего отца, короля, её опозорили и изгнали, как дворнягу! А потом... потом мою дочь, мою крошечную дочь, хотели стереть с лица земли, как ошибку!

Воздух вокруг меня затрепетал от жара, исходящего от тела.

Картины прошлого, которые я годами держал за семью печатями, рвались наружу: шёпот в тёмных коридорах, приказ, который я тогда не посмел оспорить... И женщина. Та самая женщина с глазами, полными слёз и решимости...

Я сделал шаг к Хьюго, и он отступил к стене.

– Я любил её. Любил, несмотря ни на что. И я потерял их обеих. Так что не смей... не смей даже заикаться о жене. – Я отвернулся, стараясь взять себя в руки. Боль в висках стала невыносимой. – Делай, что хочешь. Найди гувернантку. Но если в твоём «отборе» будет хоть намёк на смотрины невест, я сброшу тебя с самой высокой башни Утёса лично. Понял?

Хьюго выпрямился, лицо снова стало маской учтивого профессионализма. Но в его глазах мелькнула тень какого-то собственного, глубоко спрятанного расчёта.

– Вполне, ваше сиятельство. Просто отбор лучшей гувернантки для юной леди Таисии. Никаких посторонних намёков. Он почтительно склонил голову. – Я займусь этим немедленно.

– И чтобы она была стойкой, как драконий хвост, – пробурчал я уже ему в спину, глядя, как он выходит. – Иначе, у меня будет новый личный секретарь.

Глава 3

Лаура Фэйрвен. Шесть лет назад.

– Ради дочери моей сестры я тоже готова стать огнём. И я превращу любого в дерево, кто посмеет к ней протянуть руку.

Я хлопнула дверью и выбежала наружу. Яркое солнце ослепило глаза, вызвав слёзы. Оглядевшись по сторонам, я заметила, как мужчина уходит. Перед глазами мелькали тёмные пятна, но сквозь них я четко видела его спину. Спина личного помощника герцога — Реджинальда Стерна.

Я бросилась к нему, не понимая, что делаю. Этот мужчина был выше меня и сильнее. О чем я думала, когда бросалась на него как дикая кошка?

Вряд ли о своей жизни — она меня не волновала. Лишь бы спасти дочь своей умершей сестры. Ярость затмила мой разум и когда я бросилась к нему, вырывая свёрток, он толкнул меня. Отшвырнул, как назойливого щенка, отбросил в сторону. Я ударилась виском о ствол старой сосны и на миг мир погрузился в темноту и звон.

Спустя мгновение, я пришла в себя и тихо застонала от боли. Нашупала на затылке шишку размером с кулак и тёплую кровь. Сжала зубы, понимая, что сейчас не время страдать.

Стерн уходил. Уходил с моей племянницей, завёрнутой в грубое одеяло. Уносил её в темноту, к своей лошади, привязанной чуть дальше в лесу. С каждым его шагом, размеренным и безжалостным, во мне угасала крохотная жизнь Мауры.

Я поднялась на колени, не чувствуя боли. Воздух вокруг меня замер, перестал шелестеть листьями.

Вся тишина ночного леса сконцентрировалась во мне, превратившись в густое, тяжёлое молчание, готовое лопнуть.

Он был уже в десяти шагах.

– Верни её, – мой голос прозвучал чужим, низким, налитым силой, которую я в себе не знала. – Верни дочь моей сестры.

Стерн обернулся. На его бесстрастном лице мелькнуло раздражение.

– Убирайся, пока цела, девчонка! Твоя сестра наказала себя сама, связавшись не с тем мужчиной. Её щенок разделит её участь. Таков приказ.

Приказ.

Это слово стало последней каплей.

Я не вспоминала заклинаний. Не искала в памяти наставлений Бригитты. Я просто ухватила взглядом за его силуэт, за его холодную, негнущуюся сущность, и пожелала ему одного: остановиться. Навсегда.

– Стой, – прошептала я.

И лес услышал.

Корни под ногами Стерна шевельнулись, как проснувшиеся змеи. Они обвили его сапоги, цепко и быстро. Он ахнул от неожиданности, попытался дёрнуться. В этот миг лунный свет, пробивавшийся сквозь кроны, упал на него. И замер.

Это было похоже на то, как вода на морозе схватывается льдом. Но замерзала не вода, а сама плоть и кровь.

Его движение застыло, превратившись в статую. Испуг на лице окаменел. Пальцы, стискивающие свёрток, одеревенели. От каблуков его ботинок в земле проросли тёмные, причудливые линии, похожие на корни деревьев. Сверху на него посыпались иголки, прилипая к волосам и плечам. Кожа на лице и руках потемнела, как будто покрылась второй кожей из коры старого дуба.

Этот процесс длился несколько долгих, тягучих секунд. Воздух наполнился запахом озона и смолы. Я чувствовала, как сила утекает из меня, словно из дырявого ведра, оставляя внутри холодную, дрожащую пустоту.

И вот он стоял. Не человек, а дерево. Странное, уродливое дерево с общими чертами Реджинальда Стерна. Одна «ветвь» всё ещё была согнута, прижимая к «стволу» тряпичный свёрток.

Сердце бешено колотилось где-то в горле. Я подползла, отломила одеревеневшие пальцы (они хрустнули, как сухие сучья) и вынула свёрток. Он был тёплым. Из него донёлся слабый, недовольный писк.

– Тссс, – зашептала я, прижимая племянницу к груди. Слёзы наконец хлынули, смешиваясь с грязью на лице. – Тссс, моя хорошая. Тётя здесь. Теперь всё будет хорошо. Я тебе обещаю. Я не смотрела больше на дерево-человека.

Пусть стоит. Пусть корнями уходит в землю, которую хотел осквернить.

Подобрав полы платья, я побежала назад, к дому, каждым шагом прислушиваясь к тихому сопению в одеяле.

Бабушка Бригитта сделала всё, что могла. Комната была чиста, пахла уксусом и дымом полыни, чтобы отогнать злых духов и запах смерти. От моей Мауры не осталось и следа. Бабуля сказала, что тело уже отнесли в семейный склеп на окраине деревни.

Простые похороны для невинной души, погубленной любовью к дракону.

Я сидела на табурете у холодной печи, огонь которой только-только разгорался даря покой и уют. Я качала на руках малышку, она была удивительно легкой и одновременно невыносимо тяжелой.

Её личико, красное и сморщенное, начинало морщиться, губы искать мамкину грудь. Паника, острая и тошная, сковала меня.

– Она голодная, – прошептала я, глядя на Бригитту. – Что мне делать? У меня нет... я не могу...

– Успокойся, птишка, – бабуля положила свою шершавую ладонь мне на голову. – Драконья кровь – не помеха для молока. Оно ей нужно, как и любому ребёнку. Просто... возможно, больше и чаще.

Она накинула платок и вышла в ночь. Через полчаса вернулась с Мартой, женой лесника, у которой месяц назад родился свой сын.

Марта была молчаливой, добродушной женщиной с большими, тёплыми руками. Она без лишних слов взяла малышку, пристроила её к груди, и та сразу же притихла, уткнувшись носиком и принялась сосать, издавая довольные звуки.

Я смотрела, и сердце разрывалось на части.

От горя за сестру. От страха за будущее. От всепоглощающей любви к этому крошечному, хрупкому созданию.

– Драконья, говоришь? – тихо произнесла Марта, глядя на ребёнка. – Ну, кушает жадно, это точно. Будет сильной и смелой.

Когда малышка наелась и уснула, Марта ушла, пообещав прийти с первыми лучами солнца.

Бригитта устроила нам постель на широкой лавке, накрыла нас своим самым тёплым, хоть и колючим, одеялом. Я была ей за это благодарна и она все прочитала в моих глазах. Как и то, что мне удалось вернуть малышку. Думаю, она все поняла без слов.

Я еще долго лежала не смыкая глаз, прислушиваясь к ровному дыханию племянницы. Рука инстинктивно легла на её крошечную грудку, чувствуя спокойное биение сердца.

– Как же тебя назвать, крошка? – прошептала я в темноту. Маура хотела назвать тебя...

И тут в дверь постучали. Стук был негромким, но отчётливым. Неторопливым. И от этого – бесконечно зловещим.

Всё внутри меня сжалось в ледяной ком. Бригитта на другой стороне комнаты резко села на своей кровати. Скрип разнесся по всей комнате и затих где-то в углу. Дыхание старушки стало громким и хриплым.

Стук повторился.

Тук-тук-тук.

Металлическим наконечником трости или перстнем по старому дереву.

Никто в деревне так не стучал. Никто не приходил в этот час. Никогда.

Лёд в жилах достиг сердца и оно на мгновение перестало биться.

Я осторожно, стараясь не шелохнуться, накрыла спящую девочку одеялом, глуша возможный звук, и скатилась с лавки на пол, в тень. Отползла к окну и схватилась за длинную палку. Сжала в руке и шумно выдохнула.

Бабушка Бригитта встретила мой взгляд в полумраке. В её глазах не было страха, лишь готовая к бою ярость старой волчицы.

– Кто там? – крикнула она, и её голос не дрогнул.

Ответа не последовало. Только тишина, густая и давящая.

А потом дверь, не скрипнув, медленно поползла внутрь. Она не была заперта на засов – кто в деревне запирается? В проёме, заливаемом холодным светом луны, вырисовывалась высокая, худая фигура.

Он стоял на пороге, закутанный в длинный, тёмный плащ, лицо скрыто в глубоком капюшоне. От него веяло морозом далёких гор, запахом старого пергамента и сухих роз.

– Прошу прощения за поздний визит, – произнёс незнакомец. Его голос звучал тихо, вежливо и безжизненно. – Я ищу новорожденную девочку, которая появилась на свет в этом доме сегодня. Она здесь?

Глава 4

Всё внутри меня словно одеревенело, будто и меня коснулось моё же проклятье. Голова пульсировала от боли, но куда страшнее было жгучее бессилие.

Они нашли нас. Снова.

Я сжала палку до хруста в суставах, готовясь броситься, стать между ним и ребёнком, повторить сегодняшнее чудо, пусть оно и выпьет из меня всю жизнь.

Но Бригитта поднялась с кровати, распрямив свой скрюченный позвоночник. В её движениях не было ни капли страха — лишь древняя, гордая выдержка.

– В этом доме сегодня горе, – сказала она твёрдо, перекрывая собой вид на лавку. – А не радость. Убирайтесь отсюда.

Незнакомец не двинулся с места.

Его капюшон медленно повернулся, скользнув по убогой обстановке, по печи, по теням в углу, где затаилась я.

Мне показалось, что его взгляд на миг задержался на мне – на моих глазах, полных немой ужаса и ярости.

– Мои соболезнования, – произнёс он тем же бесцветным тоном. – Я не посланник смерти. Я – представитель... эмм... порядка.

Его пальцы в тонких кожаных перчатках появились из складок плаща. В ладонях он держал резной ларец из тёмного дерева.

– Я знаю, кто родился здесь сегодня. И знаю, кем была её мать, – он сделал крошечную паузу, и воздух в комнате стал ещё холоднее. – И кем является её отец.

Слова повисли в тишине, как отравленные клинки.

– Если вы все знаете, то зачем пришли сюда, – выдавила я из себя, поднимаясь с пола. Голос дрожал, и я ненавидела себя за слабость. – Завершить начатое?

Незнакомец снова повернулся ко мне. Лунный свет упал на нижнюю часть его лица – на тонкие, бледные губы, которые чуть тронула что-то, похожее на усмешку, но лишённое всякой теплоты.

– Зачем? – он отчеканил слово. – Герцог Ардэн Валерон не признаёт этого ребёнка. Она – незаконнорожденная. Пятно на репутации. Её существование... нежелательно. Но, как я понимаю, вы уже столкнулись с самым радикальным методом решения этой... проблемы

Он знал. Он знал о Стерне. Но как?

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Кто вы? – прошептала я.

– Называйте меня привратник. Я тот, кто следит, чтобы неудобные истины не выплеснулись за пределы дворцовых стен. – Он сделал шаг вперёд, и Бригитта инстинктивно отступила, пропуская его к столу. Он поставил ларец на грубые доски. Звук был глухим, тяжёлым. – Мать ребёнка мертва. Официально – её никогда не было. Отец ребенка – не знает о дочери и знать не желает. Всё очень... просто.

– Просто? – во мне что-то надорвалось. – Вы считаете убийство младенца – это просто?!

– Я ничего не считаю, – холодно парировал он. – Я лишь излагаю факты. И предлагаю... компромисс.

Он щёлкнул замочком на ларце. Крышка откинулась беззвучно. Внутри, на бархатной подушке, лежал толстый кошель, туго набитый, и свернутый в трубку пергамент с сургучной печатью.

– Девочка остаётся здесь. С вами. Вы будете её воспитывать. Официально – как дочь своей умершей сестры, родившуюся в нищете и неизвестности. Никто и никогда не должен усомниться в этом. – Его голос стал методичным, как зачитывание приговора. – Взамен, на её содержание будет выделяться ежеквартальное пособие. Сумма более чем достаточная для безбедной жизни и... достойного образования. На случай болезни или других особых нужд – будут выделяться дополнительные средства. Через меня.

Я смотрела то на него, то на ларец, не веря своим ушам. Это была ловушка. Должна была быть.

– Почему? – спросила Бригитта, её хриплый голос был полон подозрения. – Если он её не признаёт, зачем платить? Проще стереть ребенка с лица земли.

Привратник медленно кивнул, как будто ждал этого вопроса.

– Потому что в её жилах всё же течёт драконья кровь Валеронов. Уничтожить её – значит riskнуть разгневать саму природу их рода, навлечь проклятье. Такие вещи... непредсказуемы. А деньги... деньги обеспечивают контроль. Молчание. И гарантию, что она никогда не попытается предъявить права на имя, которого у неё нет.

Он достал пергамент и развернул его перед нами. На нем изящным, витиеватым почерком был изложен договор: обязательства сторон, сумма и условия выплат. Внизу стояло место для подписи.

– Вы подписываете. Берёте деньги. И забываете, кто был её отцом. Навсегда. Она – ваша. Вы – её. Никакой связи с Драконьим Утёсом. Никаких попыток связаться. Никаких рассказов ей в будущем о ее отце. – Его янтарные глаза (я разглядела их теперь, холодные, как зимнее

солнце) впились в меня. – В противном случае... договор аннулируется. И все меры предосторожности, сдерживающие господина герцога, утратят силу. Вы понимаете.

Я понимала. Конечно, я понимала, что это не было проявлением доброты. Это была золотая клетка. Наше молчание покупалось. Её жизнь – в неведении и в тени.

Я посмотрела на свёрток лежащий на лавке. На крошечное личико, выглядывающее из складок одеяла. Моя ярость угасла, сменившись леденящей, практической ясностью. Это был шанс. Шанс её вырастить и оградить от бед. Дать ей всё, чего была лишена Маура.

– А если... а что если её способности проявятся? – тихо спросила я. – Драконья кровь...

– Тогда вы будете усерднее молиться, чтобы они не проявились, – безжалостно ответил привратник. – И учить её скрывать. Любой ценой. Никто не должен знать. Это станет вашей заботой.

Я медленно подошла к столу. Взяла перо, которое он молча протянул. Перо было холодным, как лёд. Я взглянула на Бригитту и увидела в её глазах ту же тяжёлую решимость. Выбора не было.

Я вздохнула и наклонившись подписала.

Лаура Фэйрвен.

Подпись вышла корявой, детской. Сердце на мгновение замерло от того, что я только что сделала. Получается, я продала правду моей племянницы на её же будущее.

Привратник аккуратно сложил пергамент, спрятал его в плащ. Кивнул.

– Первую выплату вы найдёте в ларце. Следующая – через три месяца. Я найду вас. Всегда найду. Помните об этом.

Он развернулся и вышел так же бесшумно, как и появился, растворившись в ночи.

Дверь захлопнулась. Я стояла, глядя на ларец, чувствуя вкус предательства на губах. Потом подошла к лавке, взяла спящую девочку на руки, прижала к щеке.

– Всё будет хорошо, – прошептала я ей, уже в который раз сегодня. – Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива и в безопасности. Даже если весь мир забудет, кто ты на самом деле, мы будем знать об этом. И однажды...

Глава 5

Три года назад. Драконий Утёс.

Герцог Ардэн Валерон

Вот уже три года я не знал покоя и радости. С тех пор как умерла Маура и забрала с собой мою дочь, я и не жил вовсе. Счастье, которое коснулось меня мимолетно, казалось навсегда покинуло меня и мой дом.

Ярость – вот единственное топливо, которое поддерживало во мне огонь все это время. Она была холодной, как сталь, и всепроникающей, как яд. Мы вернулись с границ, где разлом в горах изрыгал чудовищ.

Мои люди, мой огонь очистили скверну, но осталась грязь под кожей. Ощущение, что мир прогнил насквозь.

Именно поэтому, когда гонец доложил, что в лесной деревушке у мельницы живет ведунья, которая все знает, но временами творит чары на упырях, я поехал сам. Не из интереса к деревенским суевериям. Мне нужно было сжечь что-то настоящее, осязаемое. Выжечь эту внутреннюю скверну.

Старуха жила на отшибе, в избушке, вросшей в землю, как гриб-поганка. Она не испугалась меня, герцога в закопчённых доспехах, с отрядом воинов.

Вышла на крыльцо, опираясь на клюку, и её глаза мутные, будто затянутые пеленой, смотрели сквозь меня.

– Герцог Валерон, – проскрипела она. – Дракон, потерявший своё сокровище. Ищешь у меня лекарства от тоски?

– Молчи, старуха, – буркнул я, уже разворачиваясь. Глупая была затея. Ничем она мне не поможет.

– Ты ищешь не там, где потерял, – её голос зацепил меня, как крючок. Я замер и медленно развернулся. – Ты ищешь в крови и пламени, а оно – в тишине и любви. Твоя девочка жива. Растёт. Смеётся. Зовут её Таисия.

Воздух вокруг меня дрогнул. Земля под ногами поплыла. Это было не из-за усталости. Это был удар под дых, от которого внутренний дракон, дремавший после битвы, взревел в моей груди так, что у меня потемнело в глазах.

– Что... – голос прозвучал хрипло, не мой. – Что ты сказала? Повтори!

– Маура умерла в муках, рожая тебе дочь, – старуха говорила ровно, будто пересказывая погоду. – А её сестра, Лаура, спасла ребёнка от твоего палача. Воспитывает её в лесу, в старой хижине у ручья. Думает, что прячет. А я вижу. Вижу, как в ней твоя кровь просыпается.

Моя дочь жива.

Слова Реджинальда Стерна подтвердить не получилось. С того дня, как он отправился проведать Мауру и привезти мне дочь, ни слуху ни духу.

Далее слова привратника, его отчёт: «Маура Фейрвен умерла при родах. Ребёнок, девочка, скончалась через несколько минут после рождения».

В то время я не мог поехать в дом Мауры. Я был на войне, сражался с существами, которые вылезали из разлома и уничтожали все живое. Один неверный шаг — и от королевских земель ничего бы не осталось.

Оказывается все было ложью.

Ярость, что горела холодом, вспыхнула белым пламенем. Предательство. Глухое, многолетнее. Оно пожирало изнутри. Мой дракон рвался наружу, требуя мести, крови, разрушения. Но был и другой инстинкт, более древний и дикий.

Инстинкт обладания. Защиты. То что моё – моё.

Я не сказал больше ни слова. Не сжёг старуху в пепел.

Развернулся, вскочил на коня и поскакал прочь от деревни. Мои люди едва поспевали. Но я не ехал в Утёс. Я свернул в чащу.

– Ждите здесь, – бросил я через плечо. – Никому за мной не следовать.

Я слез с коня, отошёл в самую глушь, где вековые сосны скрывали небо. И позволил дракону вырваться.

Кости хрустели, перестраиваясь. Кожа покрывалась тёмной чешуёй. Боль была огненной и знакомой. Через несколько взмахов огромных, кожистых крыльев я уже поднимался над лесом, оставляя внизу испуганное ржание лошадей.

Я знал, где искать.

Лесная ведьма дала не только слова, но и... образ. Чутьё. Я почувствовал свою кровь. Только сейчас. Тонкую, слабую нить, но она была. Она вела.

Избушка у ручья появилась внизу, как в миниатюре. Дымок из трубы. Небольшой огород. И на полянке, у края леса, – маленькая фигурка в простом платье. Она что-то собирала в подол, напевая. Её рыжие волосы, яркие, как осенний клён, горели на солнце.

Моё.

Всё во мне замерло, а потом взорвалось тихой, всепоглощающей бурей. Никакой логики. Никаких мыслей о последствиях. Только жгучая, слепая потребность забрать своё. Часть Мауры, что осталась в живых. Моё искупление. Моё сокровище, украденное у меня ложью.

Я спикировал, заходя со стороны леса, чтобы тень не упала на неё раньше времени. В последний момент обратился в человека обратно, приземлившись на колени с глухим стуком. Пыль взметнулась вокруг. Сердце колотилось, вырываясь из груди.

Девочка обернулась. Не с испугом, а с любопытством. Большие зелёные глаза, глаза моей Мауры, смотрели на меня без тени страха.

– Ты большой, – сказала она просто.

У меня перехватило дыхание. Я не мог говорить. Я просто подошёл, опустился перед ней на одно колено. Руки сами потянулись к ней. Она не отпрянула.

– Как тебя зовут? – глухо спросил я.

– Тая, – ответила она, доверчиво глядя мне в лицо. – А ты кто?

– Я... твой отец, – сорвалось с губ. Слова, которые я никогда не думал произнести.

В этот момент из избушки выбежала женщина. Молодая, с бледным, испуганным лицом и знакомыми чертами – она была похожа на Мауру, но иначе. Лаура. В её глазах мелькнуло узнавание, ужас, а затем ярость, которая удивила меня своей силой.

– Нет! – крикнула она, бросаясь вперёд. – Отойди от неё!

Но было уже поздно. Я подхватил Таю на руки. Она вскрикнула от неожиданности, но не стала вырываться, а обвила мою шею маленькими ручками.

Этот доверчивый жест пронзил меня острее любого меча.

– Моя, – прошептал я, уже не ей, а всему миру, всему этому вранью. Я посмотрел на Лауру, которая замерла в нескольких шагах, её лицо исказилось от немой агонии. – Она моя дочь. И я забираю её.

– Ты не имеешь права! – голос Лауры сорвался на визг. – Ты бросил их! Ты приказал её убить!

Её слова ударили, как пощёчина, но я лишь сильнее прижал к себе ребёнка. Дракон внутри рычал, требуя улететь, спрятать добычу в своём логове.

– Я думал, она мертва. Мне солгали, – прорычал я. В оправданиях не было смысла. Я не был здесь, чтобы оправдываться. Я был здесь, чтобы забрать. – Она будет жить во дворце. Как принцесса. У неё будет всё.

– Ей нужна любовь, а не камни! – кричала Лаура, слёзы текли по её лицу. – Она не знает тебя!

– Узнает, – коротко бросил я отступая к лесу. К месту, где оставил драконью сущность. Мне нужно было превратиться. Улететь. Пока разум не вступил в права и не начал задавать вопросы.

– Отдай её! – Лаура сделала шаг вперёд, и в её руках вспыхнул слабый зелёный свет. Магия Леса. Жалкая искорка против моей бури.

Я лишь оскалился, позволив дракону пробудиться в своих янтарных глазах. Девушка отшатнулась.

– Если ты попытаешься последовать или рассказать кому-либо... – я не договорил. Угроза висела в воздухе, тяжёлая и реальная. Я не знал, что с ней сделаю. И она это поняла.

Завернув дочь в полу плаща, я шагнул в чашу. Через мгновение раздался хруст костей, свист кожистых крыльев, и с поляны, взметая листву, поднялась тёмная тень дракона. В его когтистых лапах, бережно зажатый, был маленький свёрток.

Последнее, что я увидел, глядя вниз, – это Лаура, стоящая на коленях у ручья, схватившаяся за голову, и одинокий, полный отчаяния крик, который не долетел до меня, заглушённый ветром в ушах и победным рёвом моего зверя.

Теперь она со мной.

Мы летели к Драконьему Утёсу. К её новому дому. Ко мне.

У меня снова есть часть Мауры. И я не отдам её никому. Никогда.

Глава 6

Три года назад. Драконий Утёс.

Лаура Фэйрвен.

Бабушка собрала меня быстро. Когда она узнала, что нашу девочку унес с собой ее отец, она выругалась так, что затрещали стены.

Потом сурово посмотрела на меня, вручила узелок с хлебом и сыром. Влила в крынку козьего молока, а на плечи накинула теплую накидку.

– Все. Теперь ты готова, дитя, – прошептала она, касаясь пальцами моего лба и сердца. – С магией не дури. Осторожничай. Там все же город, людей много, свидетелей. Это тебе не лес густой.

Три дня я бежала.

Бежала сквозь чащу, пока не стерла ноги в кровь. Бежала по дорогам, пряча лицо от редких путников. Бежала, и в ушах стоял рёв крылатого чудовища, уносящего мой свет. Мое сердце. Мою Таисию.

Драконий Утёс вырос передо мной как проклятье. Чёрный, неприступный, вонзающийся в небо острыми шпильями. Его тень падала на весь город у подножия, и мне казалось, я задыхаюсь. Здесь был дракон. За высокими каменными стенами, которые тихо посмеивались над моей магией, жила теперь моя девочка.

Днем, я попыталась подкупить стражу у ворот – жалкие монеты из ларца Привратника вызвали лишь презрительный смех.

Пыталась пробраться ночью через товарные ворота, – я видела, что днем, туда заезжали груженные повозки с продовольствием. Но меня чуть не схватили, и я спаслась, лишь запутав погоню магическими чарами. Плющ на стене опутал ноги преследователей, и они потеряли меня.

Я сидела под мостом, трясясь от холода и отчаяния, и слушала, как город живёт своей жизнью. Живёт, не зная, что в той каменной горе живет мой ребёнок.

И тогда я решила действовать иначе.

Я сняла каморку в самой бедной таверне «Ржавый Гвоздь» и днем помогала хозяину мыть посуду.

А после захода солнца приходила к главным воротам, пряталась среди торговок и просто смотрела. Ждала, что увижу её. Хоть мельком в окне кареты. Или на балконе. Но видела лишь его. Герцога. На огромном вороном коне, с лицом, высеченным из гранита. Он проезжал, и люди замирали, опуская головы. А во мне кипела такая ненависть, что пальцы впивались в ладони до крови.

Я готова была превратить в деревья весь его гарнизон. Но меня останавливала одна мысль: а если она в комнате? А если она спит? А если моя магия, дикая и необузданная, навредит ей?

Мне казалось, что я была в клетке собственного страха.

И вот, через две недели бесплодного, изматывающего ожидания, я увидела клочок пергамента, приколотый к доске объявлений у колодца. Порыв ветра чуть не унёс его, но я успела схватить.

«ТРЕБУЕТСЯ в Верховные Сады Драконьего Утёса помощник садовника. Труд тяжкий, оплата скромная. Терпение, смирение и любовь к земле обязательны. Явиться к главному садовнику Меррику у восточных ворот к восходу солнца».

Сердце заколотилось, как птица в клетке. Восточные ворота. Не парадные. Служебные. Те, куда свозят навоз для удобрений и привозят саженцы. Ворота в мир слуг, кухонь, прачек... и садов.

Любовь к земле. Это у меня было. Моя скромная магия Леса говорила с землёй, просила её о помощи.

Терпение? У меня его не осталось. Но я могу притвориться, что у меня его в избытке.

Смирение? Ради Таисии я согнусь в три погибели. Все ради моей девочки.

Я провела ночь без сна, готовясь. Постирала свое простое платье, чтобы оно было опрятным. Одолжила у хозяина таверны старый фартук, надела его на платье. Спрятала волосы под плотным платком. Руки, ещё мягкие, я специально испачкала землёй, ободрала о камни, чтобы

выглядели натруженными. Теперь я выглядела как любая деревенская девка, искавшая работу в городе.

На рассвете у восточных ворот уже толпился десяток таких же, как я. Мужчины, женщины. Все с безнадёжными, усталыми лицами. Главный садовник Меррик – коренастый, рыжий мужчина с руками, похожими на корни дуба, – окинул нас оценивающим взглядом.

– Кто умеет отличать сорную траву от лекарственной? – спросил он хрипло.

– Я, господин, – тихо прошептала и сделала крошечный шаг вперед. – Мать была травницей.

– Кто не боится навоза и тяжёлых носилок?

– Я не боюсь, – сказала я твёрже, хотя от одной мысли о том, чтобы убирать отходы драконьего замка, меня мучило.

– А кто знает, как ухаживать за розами «Пламя Валерона»? – в его глазах загорелся азарт.

– Капризные твари. Гибнут, если на них не так посмотреть.

Это было моим шансом. Я опустила глаза, сделала вид, что робко подбираю слова.

– Им нужен... особый разговор. И тень в полдень. А еще полив не водой, а настоем золы из драконьих очагов, чтобы помнили о своём хозяине.

Меррик замер и пристально посмотрел на меня. Этому трюку меня научила Бригитта – старые легенды о дворцовых садах.

– Хм, – произнёс он. – Подойди сюда девица. Остальные – свободны.

Мне вручили грубую холщовую куртку с гербом садовников – перекрещённые лопата и секатор. И повели внутрь.

Я переступила порог Драконьего Утеса. Сердце билось так, что казалось вот-вот выскочит. Неужели, неужели я внутри.

Каменный тоннель, запах сырости, влажной земли и... далёкий, едва уловимый аромат выпечки. Возможно, он доносился с кухни. Сердце ёкнуло.

Где-то здесь, в этих бесконечных коридорах, могла гулять Таисия.

– Здесь ты будешь жить, — грубо сказал садовник и открыл передо мной дверь маленькой каморки. Вонючей и темной. Она находилась в общей казарме для прислуги.

Я ничего не сказали, мне было неважно где жить и где спать, только бы рядом с моей Таей.

Затем мне показали рабочие инструменты и наконец-то повели в сады.

Верховные Сады были огромны. Террасы, спускающиеся по склону утёса, фонтаны, лабиринты из живой изгороди. И вид... вид на всё королевство, утопающее в зелени. Красота, от которой захватывало дух. Но я не видела красоты. Я видела стрельчатые окна западного крыла. А ещё восточного крыла, где, по городским слухам, были детские покои.

Первый день прошёл в изнурительном труде. Я таскала землю, полола, чистила дорожки. Моя спина горела, руки покрылись волдырями. Но я молчала и слушала.

Слуги болтали между собой, и я уловила обрывки:

«...маленькая дикарка, рыжая бестия...», «...герцог никого к ней не подпускает, только старую няню...»,

«...вчера опять выкинула завтрак из окна, чуть не попала в голову кастеляну...»

Каждое слово было и пыткой, и бальзамом на душу.

Она жива. Она здесь. Она бунтует.

Моя девочка. Моя непокорная, яростная девочка. Как же я по ней скучала. Сжав зубы от нахлынувшего чувства, я продолжила работу.

Вечером, когда стемнело и слуг распустили, я не пошла в общие комнаты. Прижавшись к холодной стене, я пробралась в ту часть сада, что была ближе всего к восточному крылу. Там был старый фонтан со скульптурой дракона, и от него открывался вид на несколько высоких окон, слабо освещённых изнутри.

Я спряталась в нише, заросшей плющом. Дрожала от холода и волнения. И ждала. Минуты тянулись и тянулись, превращались в часы.

И вот, в одном из окон на третьем этаже шевельнулась тень. Маленькая, тоненькая. Окно распахнулось, и на небольшой балкончик вышла фигурка в белой ночной сорочке.

Таисия.

Её рыжие волосы, даже в сумерках, казались тлеющим угольком. Она облокотилась на перила и смотрела в ночное небо. И тут... она заплакала. Тихие, надрывные всхлипы, которые долетали до меня по ветру, обрывистые и такие знакомые. Она звала. Не словами, а этим плачем. Она звала меня.

Всё внутри перевернулось. Я вжалась в стену, закусив кулак, чтобы не закричать, не выдать себя. Слезы текли по моему лицу, горячие и беспомощные. Я была так близко. Всего несколько десятков шагов, лестница, коридор... и бездна его охраны, его законов, его ярости.

Ууух, как же я его ненавидела!

Я протянула руку в темноту, как будто могла коснуться её. И прошептала, вкладывая в слова всю силу своей тоски, всю магию, на какую была способна:

– Я здесь, Тая. Тётя Лори здесь. Я не бросила тебя. Я никогда не брошу. Держись, моя хорошая. Держись.

Я не знала, услышала ли она. Но её плач постепенно стих. Она ещё немного постояла, а потом медленно, согнувшись, скрылась в комнате. Створка окна закрылась и я осталась одна в темноте сада, с камнем на душе и с новым, стальным решением в сердце.

Я пробралась внутрь Драконьего Утеса.

Я видела свою девочку. Теперь мне нужно было придумать, как добраться до неё. Как стать не помощником садовника, а кем-то, кто будет допущен в эти покои. Няней? Гувернанткой? Придворной дамой?

Это казалось невозможным.

Но глядя на то закрытое окно, я дала себе новую клятву.

Я вырасту здесь, в этом каменном чреве. Я стану лучшей садовницей, потом, может, смотрительницей оранжереи, потом...

Я буду ждать и искать лазейку. И однажды, я возьму её за руку и выведу отсюда.

Или останусь с ней навсегда.

Глава 7

Три года назад. Драконий Утёс.

Герцог Ардэн Валерон.

Я влетел в замок с лязгом чешуи о камень. Ещё не успев окончательно принять человеческий облик, я держал на руках самый ценный груз.

В Парадном зале, где при моём появлении всегда воцарялась гробовая тишина, поднялась суета, сравнимая с растревоженным муравейником.

Причиной этого хаоса была она. Маленькая, тёплая, доверчиво прижавшаяся ко мне в полёте, теперь она замерла, вцепившись мне в шею. Её зелёные глаза, как у Мауры, широко раскрылись от страха перед этой каменной гробницей и чужими лицами.

– Моя дочь, – прорычал я в наступившей тишине, и слова прозвучали как удар грома. – Таисия Валерон. Немедленно приготовить лучшие покои в восточном крыле. Найти няню, кухарку, портниху. Позвать лучшего лекаря. Сейчас же!

Хаос возобновился с удвоенной силой. Лакеи бежали, спотыкаясь. Фрейлины моей сестры перешёптывались, пряча удивлённые взгляды. Я чувствовал, как по моей спине ползёт холодный пот отчаяния.

Я понятия не имел, что с ней делать.

Как успокоить этот дрожащий комочек в моих руках.

Я, который командовал армиями и вершил суд, был беспомощен перед трёхлетним ребёнком.

Она была моей плотью и кровью. Это рыжая девчонка была моей дочерью, но я бездна разорви, не знал, что мне с ней делать?!

Первые дни стали настоящим адом.

Нашли старую няню Эльдру, которая казалось воспитала не одно поколение Валерон. Если честно, я думал, что она давным-давно померла и отправилась на тот свет, но нет. Оказывается она еще была жива. Так вот, когда ее привели к Таисии, моя дочь закричала так, что, задрожали стрельчатые стекла, а потом спряталась под кровать.

Кухарка приготовила изысканный крем, который готовят у нас только по праздникам – девочка оттолкнула тарелку, и розовая масса размазалась по шелковым шторам.

Таисия не говорила, а лишь плакала. Если не плакала, то сидела неподвижно, глядя в окно, на лес. Это могло продолжаться часами. Её молчание было хуже любого рёва.

А потом пришёл мой привратник. Как всегда, бесшумно возник в дверях моего кабинета, когда я в очередной раз пытался заглушить головную боль вином.

– Ваше сиятельство. Поздравляю с... обретением наследницы, – его голос был гладким, как масло. В нём не было ни капли удивления.

Я медленно повернулся к нему. Ярость, которую я сдерживал все эти дни, увидев безутешное горе дочери, забурлила во мне, холодная и чёрная.

– Ты. – Одно слово, наполненное такой ненавистью, что даже он, эта ледяная статуя, слегка отклонился назад. – Три года. Три года ты носил мне отчёты. «Умерла при родах. Девочка не выжила». Ты смотрел мне в глаза и лгал, как последняя падаль.

– Я выполнял приказ, Ваше сиятельство, – ответил он, но в его обычно бесстрастных янтарных глазах мелькнула тревога. – Распоряжение было – устранить проблему. Я... интерпретировал его наиболее гуманным способом. Обеспечил содержание и контроль.

– ГУМАННЫМ?! – рёв вырвался из моей пасти вместе с огнем. Я схватил со стола тяжёлый графин и швырнул его в стену рядом с его головой. Хрусталь разлетелся на тысячи осколков, словно мои надежды. – Ты оставил мою дочь расти в нищете! Ты позволил мне думать, что я потерял всё! Ты украл у меня три года её жизни! Кто? Кто отдал тебе тот приказ? Кто нанял тебя, прощальца, на это гнусное дело?

Он стоял, не двигаясь, но я видел, как напряглась его челюсть. Как задрожали руки и задергались глаз.

– Это было... решение, принятое в интересах династии. Незаконнорожденный ребёнок от простолюдинки...

– Её звали Маура! – закричал я, теряя последние остатки самообладания. Воздух вокруг меня начал вибрировать от жара. – И это МОЯ кровь течёт в жилах моей дочери! МОЯ! А ты... ты всего лишь слуга. Исполнитель. Говори. Или я вырву это у тебя вместе с душой.

В этот момент дверь тихо приоткрылась. На пороге стояла она. Моя Таисия. В слишком большом для неё ночном платье, с босыми ногами. Она проследила за мной. Её лицо было бледным, испуганным, но в глазах горел не детский, а какой-то древний, понимающий огонёк. Она смотрела не на меня, а на Привратника.

И он, этот мастер масок, допустил роковую ошибку. Взглянув на неё, он не смог скрыть мимолётную вспышку страха.

Он боялся её. Боялся живой правды, которая стояла перед ним.

– Она... очень похожа на мать, – тихо произнёс он, и это была его вторая ошибка.

Всё встало на свои места. Страх не передо мной, а перед ней. Перед тем, что она собой представляет. Перед памятью о Мауре, которую они так старались стереть.

– Убирайся, – прошипел я так тихо, что это прозвучало страшнее любого крика. – Убирайся отсюда пока жив. И если я когда-нибудь увижу тебя в пределах земель этого королевства,

если ты хоть раз посмотришь в сторону моей дочери... твоя участь будет ужасной. Я лично брошу твоё тело в жерло вулкана, где плавится камень. Ты понял меня?

Он кивнул, почти незаметно, и отступил к двери, скользнув в темноту коридора. Исчез, как и появился. Но теперь я знал. Врага не стало меньше. Он просто снова ушёл в тень.

Я остался один с дочерью. Вся ярость вдруг ушла, оставив после себя пустоту и жгучую усталость. Я опустил на колени перед ней, чтобы посмотреть в зеленые глаза ее матери.

– Прости, – хрипло сказал я. – Прости меня, дочь. Я... я не знал.

Она медленно подошла, её маленькая рука потянулась и коснулась моей щеки, по которой, к моему собственному изумлению, скатилась слеза. Горячая, как расплавленный металл, и горькая, как правда.

– Папа плачет? – тихо спросила она своим тоненьким голоском. Первые слова, которые она сказала мне здесь.

– Папа... был слеп и глуп, – ответил я, сжимая её крошечную ладонь в своей. – Но теперь я вижу. И я никогда, слышишь, никогда больше не позволю тебя обидеть. Ты – моя дочь. Принцесса Таисия Валерон. И этот замок, и всё это королевство... они твои. И я твой. Навсегда.

Глава 8

Три года назад. Драконий Утёс.

Лаура Фэйрвен

Недели, прожитые в каменном чреве Утёса, слились в одно целое: усталость, земля под ногтями, вечный страх разоблачения и жгучая, всепоглощающая тоска. Я стала призраком в своей же шкуре. Лаура Фэйрвен, сестра Мауры, умерла в тот день, когда дракон унёс Таю. Осталась лишь Лора – молчаливая, сгорбленная помощница садовника с потрескавшимися руками и опущенным взглядом.

Но эта маска дала мне свободу. Я изучила распорядок дня слуг, пути перемещения по внутренним дворам, часы, когда восточное крыло было наиболее безлюдным. Я также узнала, что старая няня, которую Тая так ненавидела, страдала от болей в спине и каждое утро на час отправлялась к цирюльнику за разогревающей мазью. Это был шанс.

Я украла из оранжереи горсть семян сладкого горошка – его нежные цветы Тая обожала ещё в лесной хижине. И маленькую, идеально гладкую речную гальку, которую мы с ней называли «слезой русалки».

Утром, когда няня Эльдра, крихтя, удалилась, а страж у входа в детские покои сменился, я, дрожа от страха и надежды, постучала в тяжёлую дверь. Меня пропустили без вопросов – я была всего лишь служанкой с корзиной свежего белья, которое, по моим словам, «прислала экономка».

Комната была огромной, холодной и пустой, как склеп. Игрушки – дорогие, изысканные – лежали нетронутыми в углу. А посреди этого великолепия, на огромном ковре, сидела она. Моя девочка. Закутанная в шаль поверх ночной сорочки, она неподвижно смотрела в окно. Она казалась такой маленькой и потерянной, что сердце разорвалось на тысячу осколков.

– Юная леди, – прошептала я, едва слышно.

Она не обернулась. Я осторожно подошла, опустилась на колени в двух шагах от неё, боясь напугать. Достала из кармана горсть семян и положила их на ладонь. Потом – камешек.

– Помнишь, как мы сажали горошек у ручья? – сказала я тем голосом, каким рассказывала ей сказки у очага. Голосом тёти Лори. – А эта слеза русалки... ты говорила, что она приносит удачу.

Она медленно-медленно повернула голову. Её огромные зелёные глаза, потускневшие от горя, впелись в меня. Сначала без понимания. Потом – с сомнением. И вдруг – в них вспыхнула молния осознания. Они расширились, наполнились слезами, а губы задрожали.

– Тё-тя... – сорвалось с её губ хриплым, неверящим шёпотом.

Всё моё железное самообладание рухнуло. Слезы хлынули градом. Я несколько раз кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и раскрыла объятия.

Она бросилась ко мне с таким отчаянным рыданием, что, казалось, всё её хрупкое тельце вот-вот разлетится на части. Вцепилась в меня так, будто я была единственным островком в бушующем море. Её маленькие ручки обвили мою шею с силой, которую я не могла предположить в трёхлетнем ребёнке. Всё её тело сотрясали судорожные, беззвучные всхлипы. Она не плакала – она задыхалась от рыданий, которые копились все эти ужасные дни.

– Тссс, моя хорошая, моя сильная девочка, – бормотала я сквозь собственные слёзы, прижимая её к себе, качая, как когда-то, в первый день её жизни. – Я здесь. Я нашла тебя и никогда больше не уйду. Никогда.

– У-у-увез... меня... папа... страшно... – выдохнула она, уткнувшись лицом мне в плечо.

– Знаю, солнышко, знаю. Но теперь я здесь. И мы будем умными. Хитрыми, как лисички. Это будет наш с тобой самый главный секрет. Хорошо?

Она оторвалась от меня и всхлипнула. Её заплаканное, покрасневшее лицо было серьёзным, как у взрослой. Она кивнула, крепко, раз и навсегда.

– Я буду рядом. Всегда. Но мне нужно будет выглядеть... немного по-другому. Чтобы дракон – чтобы твой папа – не узнал меня. А ты будешь видеть меня настоящей. Обещаешь?

Она снова кивнула, не отпуская хватки.

– И ещё, – я взяла её личико в свои ладони, смахнув мокрые рыжие пряди. – Ты должна позволить ему нанять для тебя новую гувернантку. Не злую, а хорошую. Не гони её. Обещаешь мне?

В её глазах промелькнула тень прежнего упрямства, но она посмотрела на меня, на мои слёзы, и её маленький подбородок задрожал. Она снова кивнула.

– Хорошая девочка, – прошептала я, целуя её в лоб. – Моя храбрая, умная девочка.

Время было безжалостным.

Я знала, что няня скоро вернётся. Я аккуратно высвободилась из её цепких ручек. Она заскулила от протеста, но я взяла её руку и положила на неё семена и камешек.

– Спрячь. Это наша тайная связь. Когда увидишь меня в саду – в платке, с другими волосами – ты будешь знать, что это я. А я буду знать, что ты помнишь наш уговор.

Я в последний раз прижала её к себе, вдохнув запах её волос – детский, сладкий, родной.

Потом встала и вышла из комнаты, не оглядываясь, потому что знала – оглянусь, и не смогу уйти.

В своей вонючей каморке я достала тупые садовые ножницы. Подошла к треснутому зеркальцу. Мои рыжие волосы, всегда такие длинные и ухоженные, спадали на плечи волнами. Я взяла прядь и, не дав себе передумать, отрезала. Потом ещё, и ещё. Короткие, неровные пряди падали на грязный пол. Через несколько мгновений, я стала похожа на мальчишку-подмастерье. Затем я надела простой серый платок, плотно закрывающий лоб и уши.

Я закрыла глаза и обратилась к своей тихой, лесной магии. Я попросила тени лечь чуть глубже под скулы, сделать взгляд чуть более усталым, губы – чуть уже. Это были мельчайшие изменения, почти неуловимые. Но вместе с короткими волосами и платком они создавали другого человека.

Лора, помощница садовника. Скучная, незаметная, ничем не примечательная девушка.

Я посмотрела в зеркало и не узнала Лауру Фэйрвен. Передо мной стояла незнакомка. Сердце на мгновение сжалось от боли, но тут же наполнилось твердой уверенностью.

Дракон не узнает. Он видел меня лишь мельком, в гневе и отчаянии. Он не запомнил черт лица сестры своей любовницы. Он искал бы женщину с длинными волосами и глазами, полными ярости. А не эту сгорбленную, усталую служанку с потухшим взглядом.

А она... моя Тая... Она будет видеть сквозь эту магию и ткань. Она будет знать. Она кивнула. Она обещала.

Я вышла из каморки и направилась в сад, к розам «Пламя Валерона». Нужно было полить их настоем золы из драконьих очагов, чтобы помнили о своем хозяине.

А потом, я посмотрю в окно, где живет моя девочка и улыбнусь. Ведь однажды... я верну Таисию домой. Или превращу этот холодный Драконий утес в её настоящий дом, наполнив его нашей любовью, тайной и тихой магией Леса, пробивающейся сквозь трещины в камне.

Глава 9

Настоящее время.

Драконий Утёс. Кабинет герцога Ардэна Валерона

Бумаги. Вечные бумаги. Прощения, отчёты с границ, донесения шпионов, счета от поставщиков. Я сидел за массивным дубовым столом, пытаюсь вникнуть в отчёт о поставках драконьего железа, но буквы расплывались перед глазами.

Головная боль, верная спутница последних шести лет, начинала свой привычный, медленный танец у висков.

За дверью доносился приглушённый, деловитый голос Хьюго. Он инструктировал кого-то о предстоящем «отборе». Слово это резало слух.

Отбор. Как будто отбирали скот на убой. Я стиснул зубы, сделал глоток холодного вина – лекарство не помогало, лишь притупляло остроту. Ради неё. Всё ради единственной кого любил больше себя. Если это поможет найти кого-то, кто справится с её буйным нравом, кто защитит её от самой себя... Я готов был на любую формальность.

Я откинулся в кресле и непроизвольно взглянул в окно. Мой кабинет находился в западном крыле, но из него открывался вид на внутренний двор и часть террас сада. Именно туда, где Тая чаще всего гуляла со своей очередной, обречённой гувернанткой. Но после того, как последняя нянька сбежала, она была одна, играя со своим дракончиком, который то появлялся, то исчезал.

Она была там. Моя изумрудка. Сидела на краю фонтана, но не плескалась, как обычно, а внимательно смотрела на свои ладони. Рыжие кудри, выбившиеся из сложной причёски, пылали на солнце.

И тут я увидел... приближающуюся к ней служанку. В простом сером платье и тёмном платке, плотно закрывающим волосы. В руках она несла небольшой глиняный горшок с каким-то цветком. Она подошла к Тае и опустилась перед ней на корточки. Вот это наглость. Я нахмурился и даже чуть приподнялся. Драконья кровь забурила.

Но дальше произошло нечто, от чего у меня замерло сердце, а потом забилося с бешеной силой.

Моя дочь подняла на неё глаза – и улыбнулась. Не той хитрой, капризной улыбкой, которой она добивалась своего. А настоящей. Той, что я видел только в первые дни, когда она только появилась здесь, растерянная и испуганная. Той, что согревала душу. Она что-то сказала служанке, и та... та улыбнулась в ответ. А потом, к моему полному изумлению, Тая вдруг вскочила и обвила её шею руками, прижавшись щекой к её плечу. Быстрый, сокровенный, полный доверия жест.

Служанка не отпрянула. Не застыла в испуге, как все. Она обняла её в ответ, одной рукой погладила по спине, что-то тихо сказав на ухо. Потом осторожно высвободилась, передала Тае цветок, кивнула и, не оглядываясь, ушла в сторону оранжерей, растворившись в зелени.

Я сидел, не двигаясь. В голове гудело.

– Кто это? Кто это бездна ее заберет?!

Ни одна служанка, ни одна гувернантка за последние три года не удостоивалась такого доверия. Тая либо игнорировала их, либо доводила до слёз. А эта... эта какая-то цветочница...

Ярость, холодная и подозрительная, медленно охватила меня. Возможно, это была уловка. Подкуп. Шпионаж. Ведьмы хорошо знают, сколько врагов мечтают добраться до меня через нее.

– Хьюго! – мой голос резанул воздух, эхом разнесшись по кабинету.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел личный секретарь с невозмутимым, профессиональным выражением лица.

– Ваше сиятельство?

– Кто эта такая? – я ткнул пальцем в окно, где Тая теперь сидела, бережно держа горшок и что-то шепча цветку. – В сером платье, в платке. Только что ушла в сторону оранжереи. Которая... обнималась с моей дочерью. Ты видел?

Хьюго сделал шаг к окну, его взгляд скользнул по двору. На его лице не дрогнул ни мускул.

– Аааа, это Лора, ваше сиятельство. Цветочница. Ухаживает за магическими растениями в оранжерее и за розами «Пламя Валерона» в Южном партере. Нанята три года назад помощницей садовника, проявила недюжинный талант. Особенно с капризными сортами. Сейчас работает самостоятельно под началом главного садовника Меррика.

Говорил он гладко, как всегда. Но что-то было не так. Слишком быстрый ответ. Слишком много ненужных деталей.

– Цветочница, – я повторил, вставая из-за стола. Воздух вокруг меня сгустился. – А где, собственно, сам садовник Меррик? Почему он позволяет простой цветочнице подходить так близко к моей дочери? Или у нас теперь это норма?

– Садовник Меррик, как вы знаете, по-прежнему служит в Драконьем Утёсе и занимает свою должность, – ответил Хьюго, но в его глазах промелькнула тень... осторожности. – Он ценит Лору за её умение. Что касается юной леди... – он слегка пожал плечами. – Дети иногда привязываются к тем, кто проявляет к ним искренний интерес. Возможно, она просто показала ей что-то интересное среди цветов.

– Возможно? – я подошёл к нему вплотную, заставив отступить на шаг. Мой дракон, почуяв подозрение, зашевелился под кожей, выпустил огонь. – Ты говоришь «возможно», когда моя дочь, которая никого к себе не подпускает, обнимает на глазах у всей челяди какую-то цветочницу? Объясни мне, Хьюго. Объясни, почему я, герцог Валерон, ничего об этом не знаю. Или ты считаешь, что подобные... фамильярности – не стоят моего внимания?

Я впился в него взглядом, пытаюсь пробить его безупречный профессиональный щит. В его поведении была какая-то странная уверенность, когда он говорил о ней. Как будто он её... прикрывал.

– Прошу прощения, ваше сиятельство, – он склонил голову, но голос не дрогнул. – Я не счёл это важным докладывать. Девушка тихая, незаметная, работает исправно. Никаких жалоб. Если её присутствие рядом с леди Таисией вас беспокоит, я отдам распоряжение ограничить её доступ в эту часть садов.

– Нет, – резко остановил я его, выставив перед ним ладонь. Идея была слишком очевидной. – Не делай ничего. Я разберусь сам.

Я снова посмотрел в окно. Тая уже уходила, но держала тот горшок как самую драгоценную реликвию. На её лице был мир, которого я не видел очень давно.

Кто ты, Лора-цветочница? – пронеслось у меня в голове. И почему моя дочь доверяет тебе так, как не доверяет никому, включая меня?

Глава 10

Настоящее время. Драконий Утёс.

Оранжерея.

Тепло и влажный, пряный воздух оранжереи обычно успокаивали меня. Здесь, среди шелеста листьев и тихого треска древесины, я могла на время забыть, что я – притворщица в сером платье. Здесь я была просто Лорой, чьи руки понимали язык корней, а дыхание могло уговорить расцвести даже самые капризные розы «Пламя Валерона».

Именно с этим капризным сортом я и возилась, осторожно проверяя пальцами грунт у его основания. Роза цвела яростным алым цветом, но края её лепестков начали подсыхать – ей не хватало золы из главного очага в западной башне. Я впиалась взглядом в растение, мысленно разговаривая с ним, уговаривая потерпеть, пока я найду способ раздобыть нужное удобрение, не привлекая внимания.

Именно в этот миг воздух в оранжереи изменился.

Тепло не исчезло, но его сменила другая жара – сухая, давящая, животная.

Воздух стал густым, тяжёлым для вдоха, будто перед грозой. Все растения вокруг, даже самые магические, замерли в напряжённой тишине. Моя спина, согнутая над розой, застыла. Я узнала этот жар. Три года назад я ощущала его на лесной поляне у своего дома. Дракон.

Я не обернулась.

Притворилась, что не заметила, что тишина стала звенящей, а тень, упавшая на мои руки, – слишком длинной и чёрной. Я сделала ещё один осторожный, тщательно выверенный жест, поправляя опору для стебля.

Я была Лорой. Скромной, незаметной цветочницей.

– Ты.

Его голос прозвучал негромко, но в нём была такая концентрированная мощь, что по моей коже побежали мурашки. Это был не крик. Это было низкое, рычащее ворчание хищника, положившего лапу на шею добычи.

Я медленно, с показной робостью, обернулась и опустилась в низкий реверанс, уставившись в земляной пол, усыпанный керамзитом. Сердце колотилось где-то в горле, угрожая вырваться наружу.

– Ваше сиятельство, – прошептала я, голосом Лоры – чуть сипловатым, без интонаций. Почти незаметным.

Он стоял в нескольких шагах от меня, закрывая свет от высокого окна. На герцоге не было плаща, только простой, но идеально сидящий дублет. Это делало его ещё крупнее и опаснее. Его янтарные глаза, холодные, как зимнее солнце, внимательно изучали меня, проникая в самую душу.

– Встань, – приказал он. Я подчинилась, но держала голову склонённой, взгляд – опущенным. – Как тебя зовут?

– Лора, ваше сиятельство. Цветочница.

– Лора, – он протянул имя, будто пробуя его на вкус и находя отвратительным. – Мне доложили, что ты умеешь обращаться с этими... – он кивнул на розы, – тварями.

– Я стараюсь, сиятельство. Они любят внимание и... особый уход.

– Особый уход, – он повторил за мной, сделав шаг ближе. Жара от его тела была почти осязаемой. – А что ты знаешь об особом уходе за моей дочерью?

Вопрос ударил, как обухом. Я с трудом удержалась, чтобы не вздрогнуть.

Он видел.

Конечно, видел. Глупая, отчаянная надежда, что мгновение слабости останется незамеченным...

– Я... я не понимаю, ваше сиятельство. Я всего лишь принесла юной леди новый цветок для её коллекции. Аквилегию. Она... она интересовалась ими на прошлой неделе.

– Интересовалась, – он фыркнул, и в звуке была ледяная насмешка. – Моя дочь не «интересуется». Она либо требует, либо уничтожает. А ты... ты её обняла.

Последние слова он произнёс с такой убийственной мягкостью, что кровь застыла в жилах. Я подняла на него глаза – нечаянно, против воли. И встретила его взгляд. В нём не было ярости, которую я ожидала. Там была холодная, хищная аналитика. Он смотрел на меня, как учёный на странный и потенциально опасный гриб.

– Она... она расстроилась, – прозвучал мой голос, и я ненавидела себя за эту слабость, за эту неубедительность. – Уронила свою... свою игрушку. Я просто... утешила, как умею.

– Как умеешь, – повторил он, и его губы тронула едва заметная, безрадостная усмешка. Он сделал ещё шаг, сокращая расстояние между нами до полутора метров. Его запах – дым, пряная мужская кожа и что-то первобытное, глубокое, драконье – окутал меня. – Ты служишь здесь три года. И только сейчас решила проявить такую... щедрость?

Внутри всё кричало.

Потому что я её тётя! Потому что я люблю её больше жизни! Потому что ты отнял её у меня! Драконья твоя морда!

Слова рвались наружу, жгли горло. Я сжала кулаки, спрятанные в складках платья, так, что ногти впились в ладони. Боль вернула островок самообладания.

– Предыдущие няни её боялись, – сказала я тихо, стараясь говорить просто и почти-тельно. – А она это чувствует. Дети всегда тянутся к тем, кто их не боится.

Он замер. Его взгляд стал ещё пристальнее, ещё опаснее.

– А ты... ты не боишься? Ни её? Ни... меня?

Вопрос повис в воздухе, налитый скрытым смыслом. Он спрашивал не о простом страхе служанки перед господином. Он спрашивал о чём-то большем.

Я сделала глубокий вдох.

– Я боюсь не угодить растениям, Ваше Сиятельство. Они умирают без должного ухода. А люди... люди всегда могут найти себе новых слуг.

Это была дерзость. Маленькая, замаскированная под смирение, но дерзость. Я увидела, как в его глазах вспыхнула искра – не гнева, а скорее... интереса. Или предчувствия.

Он медленно обошёл меня, его взгляд скользнул по моим грубым рукам, по платку, по моей согнутой, от вечной работы, спине.

– Говорят, ты лучший специалист по розам. Что им нужно?

– Внимание, – выпалила я почти не думая, всё ещё глядя перед собой. – И правда. Они чувствуют фальшь. Им нужен... честный разговор.

Наступила тишина, тяжёлая и звонкая. Он остановился прямо передо мной, загородив весь свет.

– Честный разговор, – прошептал он так, что меня бросило в дрожь. – Интересно. А что бы ты сказала мне, цветочница Лора, если бы мы говорили... честно?

Он наклонился чуть ближе. Его дыхание обожгло мою щёку.

– Кто ты на самом деле? И почему моя дочь смотрит на тебя, как на... единственную родную душу в этом замке?

Я застыла. Время остановилось. Я почувствовала, как магия маскировки, тонкая и нервная, дрожит под его пристальным взглядом. Ещё мгновение – и он увидит. Увидит сходство с Маурой в изгибе губ. Увидит ту же зелёную глубину в глазах, что и у Таи. А если сорвет платок, рыжина волос ослепит его.

В этот момент над нами, со стороны дворцовых покоев, раздался громкий, пронзительный детский крик. Это был не плач и не каприз. Это был крик чистой, первобытной ярости. В нем слышались шипение и треск, словно пробуждалась драконья кровь.

Лицо Ардена Валерона исказилось. Весь его интерес, всё подозрение мгновенно сменились мгновенной, слепой паникой отца. Он резко выпрямился.

– Таисия! – его голос прорвался наружу, сорвавшись с привычных холодных высот.

Глава 11

Настоящее время. Драконий Утёс.

Коридор у детских покоев.

Герцог Арден Валерон

Я бежал так, как не бежал даже в битву. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая шаги, заглушая крики переполошенных слуг, разбегающихся от меня, как галки от пожара. Таисия.

Её крик разрывал воздух, и я чувствовал, как мой дракон рвётся наружу, требуя защиты, требуя крови обидчика.

Но когда я ворвался в коридор, ведущий к детским pokojам, картина, открывшаяся мне, заставила меня замереть на месте.

Никакой угрозы не было. Ни убийц, ни чудовищ, ни даже упавшей люстры. Посреди коридора, прижавшись спиной к холодной каменной стене, стоял Логан. Его лицо было пунцовым, редкие веснушки горели на щеках алым, а изо рта всё ещё тянулась тонкая струйка серого дыма. Он испуганно хлопал ресницами и, казалось, сам не понимал, что только что произошло. Рядом с ним суежилась побледневшая гувернантка, причитая и обмахивая его платком.

А напротив него, оперев руки в бока, стояла моя дочь. И она смеялась. Нет, она не смеялась, она дико хохотала!!!

Не тихо, не сдержанно. Она хохотала в голос, запрокинув голову, и её рыжие кудри тряслись в такт этому безжалостному, детскому веселью.

– Ты видел?! – выкрикнула она, поворачиваясь то к застывшей в ужасе няньке своего кузена, то к случайным лакеям. – Он хотел чихнуть, а выдохнул пламя! Как маленький дракончик! Но у него даже крылья не выросли! Только нос красный! Логан-чихай-огонь!

Она снова залилась смехом, и этот звук, такой живой и искренний, полоснул меня по сердцу острее ножа. Не так.

Она не должна была смеяться над кровью Валеронов. Над слабостью. Над страхом.

Логан, услышав её слова, вжался в стену ещё сильнее. Его глаза наполнились слезами, которые он отчаянно пытался сдержать. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо слов вырвался лишь жалкий, дымный вздох.

– Таисия! – мой голос громом прокатился по коридору, обрубая смех на корню.

Она вздрогнула и обернулась. Её щеки всё ещё горели румянцем от смеха, в зелёных глазах плясали озорные искры. Но когда она увидела моё лицо, искры погасли. Осталась лишь настороженность и вызов.

– Что ты делаешь? – спросил я, медленно приближаясь. Каждый шаг отдавался эхом в гробовой тишине.

– Смеюсь, – ответила она, вызываясь вздёргнув подбородок. – Разве не видно? Это же так забавно.

Я остановился в двух шагах от неё.

– Объясни, что здесь смешного.

Она повела плечом, пытаясь изобразить равнодушие, но я видел, как дрогнули её ресницы. Она злилась. Злилась на меня за то, что испортил ей веселье.

– Он дракон, – процедила она. – А ведёт себя как мокрая курица. Чихнул – и сам испугался. Стыдно быть таким слабым. В тебе же течёт наша кровь! – вскрикнула она глядя на Логана.

– Наша кровь, – я повторил это медленно, вкладывая в каждое слово ледяную тяжесть. – Ты считаешь себя вправе судить, кто достоин этой крови, а кто нет?

Она промолчала, но её молчание было громче любого крика.

– Логан – твой кузен, – продолжил я. – Вы с ним почти ровесники. И драконья кровь в нём только пробуждается. Твой дар тоже проявился не сразу. Ты помнишь, сколько тебе было лет, когда ты впервые выпустила искру?

– Я не выпускала искру! – вспыхнула она. – Я сразу почувствовала, что могу летать! У меня есть Спарк! А у него ничего нет, только нос красный и дым изо рта! Он вообще не дракон, он...

– Довольно. – Я не повысил голос. Но слово упало, как гильотина. – Логан – сын леди Кассандры, моей сестры. Он носит фамилию Левайн, но в нём течёт кровь Валеронов. Та же кровь, что и в тебе. И пока ты живёшь в этом замке, ты будешь уважать свою семью. Понятно?

Она смотрела на меня с такой ненавистью, что у меня заныло сердце.

Глаза Мауры. Но в них не было любви. Только ледяная, детская жестокость, которую я сам в ней взрастил своим неумением быть отцом.

– Я не хочу жить в этом замке! – выкрикнула она, и её голос сорвался на визг. – Я не хочу быть твоей дочерью! Ты мне никто! Ты просто чудовище, которое украло меня у тёти Лауры!

Удар был точным. Она даже не знала, какую правду сказала, но слова хлестнули по незажившей ране. Я стиснул челюсти до скрежета зубов.

– Марш в свою комнату, – сказал я, не узнавая собственного голоса. – Сейчас же. Сегодня ты останешься без ужина.

– Пожалуйста! – она топнула ногой, и её глаза наполнились слезами – злыми, горячими. – Я ненавижу тебя! Слышишь? Ненавижу! Я хочу, чтобы ты умер! Чтобы ты сгорел в своём дурацком огне и никогда больше не прилетал ко мне! Никогда!

Она развернулась и побежала прочь по коридору, её рыжие волосы развевались, как пламя, которое я не мог погасить. Дверь в её комнату с грохотом захлопнулась, и этот звук эхом прокатился по всему этажу, отражаясь от стен, врезаясь в меня, как тысячи кинжалов.

Тишина вернулась.

Гувернантка уводила всхлипывающего Логана. Слуги растворились в тенях, испарились, как утренний туман. Я остался один в пустом коридоре.

Я победил в десятках сражений. Усмирять разломы. Сжигал чудовищ. Меня боялись враги и ненавидели придворные. Я был герцогом, наследником королевского престола, жестоким драконом.

Но сейчас я стоял, прижавшись лбом к холодному камню стены, и чувствовал, как моя чешуйчатая, бессмертная сущность рассыпается в прах от слов шестилетней девочки.

Я хочу, чтобы ты умер.

Она не просто кричала. Она желала мне смерти. Искренне. От всей своей маленькой, истерзанной души. И я заслужил каждое это слово.

– Хьюго, – позвал я, не оборачиваясь, услышав его неслышные шаги. – Отбор. Начинай готовить немедленно.

– Ваше сиятельство... – в его голосе мелькнуло сомнение. – Вы уверены? В свете недавних событий...

– Я сказал – начинай, – оборвал я его. – Ей нужна мать. Не просто гувернантка. Не цветочница из оранжереи. Мать. Кто-то, кто сможет дать ей то, что я дать не в силах.

Я медленно оторвался от стены и пошёл прочь, не глядя на Хьюго, не глядя на закрытую дверь, за которой рыдала моя дочь.

– И проследи, – добавил я, не оборачиваясь. – Чтобы ужин всё-таки отнесли. Тайком. Пусть это будет экономка.

Я знал, что она не простит.

Что каждое моё решение только углубляет пропасть между нами. Но я не умел иначе. Я не умел быть отцом. Я умел только защищать, обеспечивать, наказывать. И... терять.

Маура, – кричало всё моё существо в пустоту. – Маура, что мне делать? Как мне вернуть её любовь? Как мне исправить всё, что я сломал?

Глава 12

Настоящее время. Дракониий Утёс.

Каморка прислуги. Лаура Фейрвен

Ночь опустилась на Дракониий Утёс тяжёлым, непроглядным пологом. Я сидела на краю жёсткой койки в своей маленькой каморке, прижимая к груди узелок с сушёной лавандой – единственным напоминанием о доме, о лесе, о той жизни, которую у меня отняли.

Руки всё ещё дрожали после сегодняшней встречи в оранжерее.

Он был так близко.

Его запах, его жар, его пронизывающий взгляд – всё это до сих пор горело под кожей, смешиваясь с ненавистью и странным, запретным трепетом. Я ненавидела себя за эту дрожь. Он – чудовище. Он украл мою девочку. Он разрушил жизнь Мауры. Я не имела права ничего чувствовать, кроме ледяной ярости.

Но я чувствовала. И это пугало больше всего.

За тонкой стеной слышался приглушённый гомон голосов. Слуги судачили, передавая друг другу новость, которая уже к вечеру облетела весь замок, как лесной пожар.

– ...слышала? Сам герцог объявил... отбор невест...

– Да ну? Неужели решил жениться? После стольких-то лет?

– Говорят, наследник ему нужен. И материнское воспитание для маленькой леди...

– Бедная девочка... очередная мачеха...

– Тсс! Услышит кто...

Слова вонзались в меня, как отравленные иглы. Отбор... Невесты... Мачеха для Таисии.

Я зажала уши руками, но голоса всё равно проникали сквозь пальцы, сквозь стены, сквозь кожу.

Он искал ей мать. Чужую женщину. Которая войдёт в её жизнь, будет называть её «доченькой», укладывать спать, учить этикету и драконьим традициям. Которая займёт место, принадлежащее мне. Единственной, кто любил Таисию с первого её вздоха. Единственной, кто держал её, крошечную, у своей груди в ночь после смерти Мауры.

Нет! Этого не случится! Я не позволю!

Я вскочила с койки, готовая бежать, драться, снова использовать свою магию, превратить в плющ весь этот проклятый замок... но замерла на пороге.

А что я могла сделать?

Убить его?

Украсть Таисию и бежать? Но куда? Он все равно найдёт.

Его драконья кровь, его армия, его власть – они накроют нас, где бы мы ни спрятались. А если поймает – то наверняка убьёт. И Таисия останется сиротой. Во второй раз.

Я опустилась обратно на койку, чувствуя, как слёзы бессилия текут по щекам.

В дверь тихо постучались. Я вздрогнула, вытерла лицо рукавом.

– Кто там?

– Тетя Лора, это я, – раздался тоненький, едва слышный шёпот. Шёпот, от которого сердце остановилось, а потом забилось с бешеной силой. – Тётя Лори, открой!

Я метнулась к двери, отодвинула засов. На пороге, в слишком длинной ночной сорочке и накинутом на плечи платке, стояла моя девочка. Таисия. Босая, растрёпанная, с глазами красными от недавних слёз.

Я втащила её внутрь, захлопнула дверь и прижала к себе, забыв обо всём на свете.

– Ты с ума сошла?! – зашептала я, задыхаясь от страха. – Тебя же хватятся! Стражники! Отец!

– Папа запер меня в комнате и ушёл, – прошептала она в ответ, уткнувшись носом мне в шею. – А я через потайной ход. Я знаю, где ключ. Я всё знаю, тётя Лори. Я же драконица.

Она отстранилась и посмотрела на меня своими зелёными глазками – моими глазами, глазами Мауры. В них горела такая отчаянная решимость, что у меня защемило сердце.

– Ты слышала? – спросила она. – Про отбор? Про невест?

Я кивнула, не в силах говорить и отвела глаза.

Она схватила меня за руки. Её ладошки были холодными и такими маленькими.

– Тётя Лори, это же наш шанс! – выпалила она. – Ты должна участвовать! Ты должна стать его женой!

Я отшатнулась, как от удара.

– Что?! Тая, ты понимаешь, что говоришь? Я и жена этого... этого чудовища? То есть... твоего отца? Нет. Ни за что.

– Но почему? – в её глазах вспыхнуло отчаяние. – Если ты станешь его женой, мы будем вместе! Навсегда! Ты будешь жить со мной в замке, не прятаться, не притворяться! Мы будем настоящей семьёй!

– Тая, – я опустила перед ней на колени, взяла её лицо в свои ладони. – Послушай меня. Я не могу. Я не хочу быть его женой. Я... я ненавижу его. Он отнял тебя у меня. Он бросил твою маму. Он...

– Но он мой... папа! – выкрикнула она, и в этом крике было столько боли, что я замолчала. – Я знаю, он плохой. Я знаю, что он украл меня. Хотя он говорит, что не украл, а вернул. Но он... он иногда бывает добрым. Он приносит мне подарки. Он всегда приходит, когда я плачу. Он... он любит меня. По-своему. А я... я не знаю, как его любить. Но если ты будешь рядом, я смогу! Я попробую. Мы сможем... Тётя Лори, пожалуйста.

Она разрыдалась, уткнувшись мне в плечо. Я гладила её по рыжим кудрям и чувствовала, как моё сердце разрывается на части.

– Девочка моя, – шептала я. – Девочка моя родная. Я не могу. Ты не понимаешь... я не могу стать его женой. Я не могу делить с ним постель, жизнь, дыхание. Это выше моих сил.

– Но тогда... тогда он женится на другой, – всхлипывала Тая. – На какой-нибудь противной графине, которая будет меня ненавидеть и запретит видеться с тобой. А если она узнает про нас, она расскажет папе, и он тебя прогонит. Или убьёт. Он же дракон. Он всех убивает.

Её слова были ужасны своей детской логикой. И в каждом слове была правда.

– Я не позволю тебя обидеть, – твёрдо сказала я. – Я придумаю что-нибудь. Я...

– Ты ничего не придумаешь, – она подняла на меня заплаканное лицо. – Ты же просто цветочница. А он – герцог. Его слово – закон. Если он выберет другую, нам конец.

Я закрыла глаза.

В голове билась одна мысль: она права.

Если он выберет другую женщину, та, войдя в семью, быстро вычислит странную связь между "цветочницей Лорой" и маленькой принцессой. Прикажет прогнать. Или того хуже – начнёт копать, искать, докопается до правды. И тогда... тогда не поздоровится никому.

Но стать его женой? Добровольно войти в его постель, в его жизнь, в его сердце? Притворяться, что я его не ненавижу, что я согласна на этот фарс?

– Я не могу, – прошептала я. – Тая, прости. Я не могу.

Она посмотрела на меня долгим, взрослым взглядом. Потом вытерла слёзы и встала.

– Хорошо, – сказала она тихо. – Тогда я пойду. Меня скоро хватятся.

– Тая...

Она обернулась в дверях.

– Ты самая лучшая, тётя Лори. Ты моя настоящая мама. Но если ты не хочешь бороться за меня... значит, я буду бороться сама. Одна.

Дверь за ней тихо закрылась. А я осталась сидеть на коленях посреди вонючей каморки, чувствуя, как моё сердце превращается в пепел.

Она будет бороться одна.

Шестилетняя девочка против целого замка, против дракона, против мира. А я... я трусиха, которая боится собственных чувств.

Я подползла к стене и уткнулась лбом в холодный камень и провела по нему ладонью. В руках отозвалась магия леса и мне стало чуть-чуть легче.

– Маура, – прошептала я. – Маура, прости меня. Я не знаю, что мне делать? Я не знаю, как спасти твою дочь? И боюсь, что моя гордость убьёт нас обеих.

Где-то в замке часы пробили полночь. А я так и не нашла ответа.

Глава 13

Драконий Утёс. Два дня спустя.

Лаура Фейрвен

Два дня я пряталась от Таисии. Два дня избегала тех мест сада, где она могла появиться, делала вид, что не слышу её тоненькогоголоска, зовущего меня из-за кустов. Два дня я убеждала себя, что моё решение не участвовать в этом безумии – единственно верное.

Я не могу стать его женой, – эта мысль вгрызалась в мозг, не отпускала ни на минуту. Каждый раз, представляя себя рядом с ним, в его постели, под его властью, меня выворачивало наизнанку. Он – чудовище. Он убил мою сестру своим равнодушием. Он украл мою девочку. Между нами – кровь и ложь, и три года разлуки, которые не вычеркнуть никаким отбором.

Но сегодня утром Хьюго объявил, что первые претендентки прибывают в замок. И слугам было велено собраться в главном дворе, чтобы поприветствовать будущих гостей.

Я стояла в тени колоннады, сжимая в руках садовый секатор, и смотрела, как карета за каретой вкатываются во двор. Из них выплывали дамы в шелках и бархате, с высокими причёсками и надменными лицами. Они оглядывали замок с хищным блеском в глазах, прикидывая, какую добычу можно здесь урвать.

И среди них была Она.

Я узнала её сразу, хотя никогда не видела раньше. Высокая, статная, с волосами цвета воронова крыла и глазами, синими, как лёд на горных озёрах.

Графиня Илвана Роксэль.

О ней говорили шёпотом даже слуги. Богатая вдова, владеющая магией льда, беспощадная к врагам и безжалостная к соперницам. Говорили, что она уже похоронила двух мужей и что её поместье процветает, потому что никто не смеет перечить её воле.

Она вышла из кареты, и воздух вокруг неё, кажется, стал холоднее на несколько градусов. Её взгляд скользнул по выстроившимся слугам, как ледяной ветер, и задержался на мне ровно на мгновение. Достаточное, чтобы я почувствовала себя букашкой под микроскопом.

– Это та самая? – спросила она у своей служанки, не понижая голоса. – Которая возится с розами?

– Она самая, ваше сиятельство, – залебезила служанка. – Говорят, у неё лёгкая рука. Цветы просто горят под её пальцами.

– Хм, – Илвана усмехнулась. – Пусть горит. Мне плевать на цветы. Главное, чтобы эта девка не путалась под ногами, когда я займусь главным цветком в этом саду.

Она имела в виду Таисию. Я поняла это по её взгляду – взгляду хищницы, примеряющейся к добыче.

В тот же день я увидела, как Илвана впервые встретила с моей девочкой.

Таисия, как обычно, гуляла в саду в сопровождении временной гувернантки – бледной, перепуганной женщины, которую наняли на неделю. Она играла со Спарком, кидая ему палку, и её смех разносился по всему саду.

Илвана вышла к ней, словно случайно прогуливаясь. На её лице застыла сладкая, приторная улыбка.

– Какая прелестная девочка! – воскликнула она, всплеснув руками. – Должно быть, вы и есть та самая юная леди Таисия, о которой все говорят?

Таисия настороженно посмотрела на неё. Спарк, почуяв неладное, зарычал и спрятался за ноги хозяйки.

– Я Таисия Валерон, – ответила она с вызовом. – А вы кто?

– О, я графиня Роксэль, дитя. Возможно, скоро я стану твоей новой мамой. – Илвана сделала шаг вперёд и протянула руку, чтобы коснуться лица Таисии.

Таисия отшатнулась, как от ядовитой змеи.

– Не трогайте меня! – выкрикнула она. – Вы мне не мама! У меня нет мамы! Мне не нужна мама!

Илвана замерла. Её улыбка не дрогнула, но глаза... глаза стали такими холодными, что я почувствовала этот холод даже за двадцать шагов.

– Какая... непосредственная девочка, – процедила она сквозь зубы. – Что ж, тем интереснее будет заняться твоим воспитанием. Когда я стану герцогиней, мы быстро выбьем из тебя эту дикость.

Она развернулась и ушла, даже не взглянув на Таисию. А моя девочка осталась стоять, сжав кулачки, с глазами, полными слёз и ярости.

– Я не хочу! – закричала она вслед Илване. – Слышите? Не хочу! Вы никогда не будете моей мамой!

Илвана не обернулась. Но я заметила, как напряглась её спина. Эта женщина не прощала обид и умела ждать, чтобы отомстить.

Вечером того же дня я сидела на скамейке у фонтана, пытаюсь унять дрожь в руках. Ко мне подседа Таисия. Она была бледной, под глазами залегли тени.

– Ты видела её? – спросила она тихо. – Эту ледяную ведьму?

– Видела, – ответила я.

– Она хочет меня сломать, – прошептала Таисия. – Я чувствую. Она не как другие, которые просто боятся или злятся. Она... она хочет сделать из меня куклу. Чтобы я молчала и делала, что скажут.

– Я не позволю ей, – начала я, но Таисия перебила.

– А что ты сделаешь? – в её голосе звенела боль. – Ты просто цветочница. Если она станет герцогиней, она выгонит тебя в первый же день. А если узнает про нас... она убьёт тебя. Я знаю, – кивнула она серьезно, – такие, как она, убивают.

Я молчала.

Потому что не знала, что ответить. Она была права.

– А знаешь, что она сделала сегодня днём? – продолжила Таисия. – Она подошла к моей гувернантке и что-то ей сказала. А вечером та пришла ко мне и впервые за неделю не испугалась, когда я на неё накричала. Она просто улыбнулась и сказала: «Ваше упрямство, юная леди, быстро пройдёт, когда за дело возьмётся настоящая хозяйка».

У меня перехватило дыхание.

– Она подкупила твою гувернантку?

– Или запугала. Какая разница? – Таисия посмотрела на меня. В её глазах стояли слёзы.

– Тётя Лори, я боюсь. Я очень боюсь. Если она победит, нам конец. Ты понимаешь? Конец.

Я обняла её, прижала к себе, чувствуя, как дрожит её худенькое тельце.

– Я не дам тебя в обиду, – прошептала я. – Слышишь? Никому не дам.

– Тогда участвуй в отборе, – она подняла на меня заплаканные глаза. – Только ты можешь её победить. Только ты меня любишь по-настоящему. Пожалуйста, тётя Лори. Не ради себя. Ради меня. Ради мамы.

Ради мамы.

Эти слова прозвучали как приговор. Как завещание. Маура смотрела на меня глазами своей дочери и ждала ответа.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором пронеслись картины:

Илвана, с ледяной усмешкой отдающая приказы;

Таисия, запертая в своей комнате, без права видаться со мной;

я сама, вышвырнутая за ворота замка, навсегда разлучённая с моей девочкой.

А потом я представила другое: я вхожу в зал отбора. Не как Лора-цветочница, а как Лаура Фэйрвен – сестра Мауры, истинная наследница любви, которую он предал. Я смотрю ему в глаза без страха. Я говорю ему правду. Я завоёвываю его – не для себя, а для неё.

– Хорошо, – прошептала я. Голос сорвался, но я повторила твёрже: – Хорошо, Тая. Я сделаю это.

Глава 14

Настоящее время. Дракониий Утёс.

Лаура Фэйрвен

Она замерла, не веря своим ушам.

– Правда?

– Правда. – Я вытерла её слёзы. – Я пройду этот отбор. Я стану его женой. И я вышвырну эту ледяную гадину из твоей жизни навсегда.

Таисия повисла у меня на шее, зарывав уже от облегчения. А я смотрела поверх её головы на замок, на окна, за которыми, возможно, стоял он и тоже смотрел на сад.

– Только, – добавила я тихо, – нам нужен план. Я не могу идти на отбор как Лора. Мне нужно стать кем-то другим. Кого он не узнает. У кого есть шанс.

– Я помогу, – выдохнула Таисия. – Я всё для тебя сделаю.

Я улыбнулась сквозь слёзы. Моя маленькая союзница. Моя девочка.

– Тогда слушай, – начала я. – Во-первых, мне нужно платье. Не служанки, а леди. И имя. А еще легенда. И...

– И я знаю, где это взять, – перебила она с хитрой улыбкой. – У папы в сундуках полно маминых вещей. Он их хранит. Я видела. Ты с мамой похожа. Они подойдут.

Вещи моей сестры Мауры.

Сердце сжалось от боли и благодарности. Он хранил их. Значит, не всё ещё потеряно. Значит, там, под слоем льда и чешуи, ещё теплится что-то живое.

– Хорошо, – сказала я и с довольным видом потерла ладони. – Тогда приходи ко мне в полночь. У тебя получится?

Племянница кивнула и развернувшись убежала по своим делам. Я знала, что она придет, поэтому не ложилась спать до ее появления.

Ночь опустилась на Дракониий Утёс. А в маленькой каморке, при свете огарка свечи, две заговорщицы – шестилетняя принцесса и я, цветочница-самозванка, строили планы по завоеванию сердца самого опасного дракона в королевстве.

Таисия примостилась на моей узкой койке, поджав босые ноги, и смотрела на меня с такой надеждой, что у меня сердце разрывалось.

– Итак, – начала я шёпотом, – первое и самое главное: моё имя. Лора не подойдёт. Слишком просто, слишком незаметно. Мне нужно что-то... благородное. Что-то, что звучало бы как имя настоящей леди.

Таисия наморщила лоб, размышляя с серьёзностью королевского советника.

– А если... Лоранель? – предложила она. – Красиво? И похоже на Лору, чтобы я не путалась.

– Лоранель, – повторила я, пробуя имя на вкус. – Леди Лоранель... А фамилия? Нужна фамилия. Что-то, что звучало бы достаточно древне, но при этом никого не насторожило.

– Эмм... Фэйрвен нельзя, – деловито заметила Таисия. – Папа знает, что так маму звали. Он сразу заподозрит.

– Умница, – я погладила её по голове. – Значит, нужно что-то другое. Что-то, связанное с лесом, с природой... Ведь моя магия всё равно будет просачиваться, даже под маскировкой.

Я закрыла глаза и позволила своей лесной сущности шепнуть мне слово. Оно пришло само, как дуновение ветра в кронах деревьев.

– Эшвуд, – прошептала я. – Леди Лоранель Эшвуд. Ясеновая роща. Звучит достаточно благородно и... правдиво.

– Эшвуд, – повторила Таисия, и её глаза заблестели. – Красиво. А откуда ты родом, леди Эшвуд?

Я улыбнулась её деловой хватке.

– Из далёкого северо-западного поместья, – начала я сочинять на ходу. – Маленькое, но старинное графство на границе Туманных болот. Настолько маленькое, что о нём никто не слышал. Мои родители умерли от лихорадки, когда я была ребёнком. Воспитывала меня бабушка – та самая, которая научила меня магии трав и роз. Поместье пришло в упадок, но традиции остались. Я живу уединённо, занимаюсь садом и читаю старые книги. Услышав об отборе, решила попытать счастья, потому что... потому что...

– Потому что хочешь найти семью, – подсказала Таисия, и в её голосе было столько боли, что я снова её обняла.

– Потому что хочу найти семью, – повторила я. – Идеально. Это не должно вызвать подозрений. Бедная, но благородная сирота. Таких на отборах всегда полно – они никому не опасны, их никто не воспринимает всерьёз. Идеальное прикрытие.

– А платье, – Таисия прыгнула с койки. – Я же говорила про мамины вещи. Папа хранит большой сундук в северной башне. Я видела, как он туда заходил. Один раз, ночью. Думал, я сплю, а я не спала. Он сидел там и держал в руках мамино платье. Просто сидел и смотрел на него. Долго-долго. А потом... потом он встал и ушёл. И дверь запер на три оборота.

Я замерла. Он сидел и смотрел на платье Мауры. Этот ледяной, неприступный герцог, высеченный из скалы. Он хранил её вещи. Он приходил к ним ночью. Просто смотрел. Значит... значит, он действительно любил её. По-своему. По-драконьи. Но любил.

Эта мысль кольнула что-то глубоко внутри. То, что я старательно запирала на замок все эти годы.

– Тётя Лори? – Таисия дёрнула меня за рукав. – Ты чего?

– Ничего, – я тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. – Просто задумалась. Как мы попадём в эту башню?

– Легко, – усмехнулась Таисия с хитринкой во взгляде. – Я знаю все потайные ходы. Мне мой кузен Логан показал. Он, конечно, слабак, но ходы знает отлично. Стражники меняются в полночь. У нас есть час, пока новые не заступят. Я проведу.

– Это все понятно. Но когда мы проникнем в башню? – удивленно спросила я.

– Когда, когда? Сегодня ночью... – она загадочно улыбнулась и посмотрела на меня. – Чего тянуть-то? Графиня Илвана Роксэль уже здесь и готова заарканить моего отца. Мы не можем больше ждать.

Глава 15

Я посмотрела на неё с восхищением и тревогой. В шесть лет и уже такая заговорщица. Что из неё вырастет? Но об этом я подумаю позже. Сейчас главное, выжить и победить.

Ровно в полночь мы скользнули в узкий проход за потайной панелью в стене моей каморки. Оказывается, все служебные помещения были соединены старыми, ещё драконьими ходами – для прислуги, чтобы не мозолить глаза господам. Таисия вела меня уверенно, как заправский проводник.

– Сюда, – шептала она. – Осторожно, здесь ступенька. А здесь низкий проход, пригнись.

Мы поднимались всё выше и выше, пока стены не стали суше, а воздух – холоднее. Наконец Таисия остановилась перед неприметной дверцей, замаскированной под каменную кладку.

– Здесь, – прошептала она. – Башня. Сундук вон там, у окна. Я посторожу снаружи. Если что, свистну.

Я хотела возразить, но она уже исчезла в темноте, оставив меня одну перед дверью.

Я вздохнула и толкнула её. Петли жалобно скрипнули, и я вошла.

Комната была небольшой, круглой, с узким стрельчатым окном, в которое лился холодный лунный свет. И в этом свете, посередине, стоял сундук. Огромный, сделанные из тёмного дерева, окованный бронзой. На его крышке лежала засохшая веточка лаванды, похожей на ту, что росла у нашего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.